

Максим Соболев

максим соболев

Приключения кота Кирилла и пса Степана часть 2

Максим Соболев

**Приключения кота Кирилла
и пса Степана часть 2**

«Автор»

2026

Соболев М.

Приключения кота Кирилла и пса Степана часть 2 /
М. Соболев — «Автор», 2026

«Кот Кирилл и пёс Степан не привыкли скучать: едва улеглись волнения первой части, как друзья находят в старом сарае потрепанную карту с пометкой «Сокровище двора». С этого момента начинается череда забавных, а порой и рискованных приключений: погони за хитрой сорокой, ночные вылазки, путаница с чужими сачками и мячами, и, конечно, попытки не попасться на глаза строгим соседям. Но за весёлой суетой скрывается настоящая проверка дружбы: когда дело доходит до выбора — сохранить секрет или помочь тому, кто в беде, — Кирилл и Степан должны поступить по совести. Вторая часть — это вихрь озорства, смешных ошибок и важных решений, которые делают героев взрослее, не лишая их детской непосредственности».

© Соболев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 как Степа встретил свою стаю	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Максим Соболев, максим соболев

Приключения кота Кирилла и пса Степана часть 2

Глава 1 как Степа встретил свою стаю

Весна в дачном поселке окончательно победила, сбросив остатки мартовской меланхолии. Май сошел с ума от собственного цветения. Воздух стал густым, пьянящим, пропитанным запахом цветущей черемухи, влажной земли и того особого, молодого солнца, которое светит только в конце учебного года, обещая бесконечную свободу. Снега не осталось даже в самых темных оврагах, а озеро очистилось до самого дна, и в нем теперь отражалось небо — такое же синее и бездонное, как глаза Кирилла.

Степан чувствовал эту перемену каждой шерстинкой, каждой лапой, каждым ударом своего огромного сердца. Тревога, которая жила в нем все эти два долгих месяца разлуки, сменилась звенящим, нетерпеливым ожиданием, похожим на натянутую до предела струну. Он знал: день близко. Он чуял это в том, как пахнет ветер по утрам — он больше не пах снегом, он пах пылью далеких дорог и бензином.

В то утро он проснулся еще до рассвета, за час до первого крика петухов. Что-то шелкнуло в его голове, как переключатель. Он вскочил со своего коврика у батареи, подошел к кровати Максима и шумно втянул воздух. Простыни пахли летом, пылью и прошлым. Хозяина здесь не было.

Степан подошел к печке. Кирилл спал, свернувшись в идеальный черный узел, и только кончик хвоста раздраженно дернулся, когда пес шумно вздохнул. — Подъем, шерстяной, — тихо, но властно сказал Степан, ткнув кота мокрым носом в бок. — Время пришло. — Отвали, бульдозер, — не открывая глаз, прошипел кот, пытаясь спрятать голову под лапу. — Я вижу вещий сон, как я рву обои в твоей пасти. Не мешай карме. — Они едут, — басом ответил Степан, и в его голосе задрожали радостные, вибрирующие нотки. — Я чувствую. Пахнет дорогой. Пахнет пылью. Пахнет Максимом.

Кирилл открыл один глаз. Он посмотрел на Степана. Пес стоял у двери, его хвост работал как метроном, отбивающий похоронный марш по зимней тишине, а всё тело подрагивало от сдерживаемой энергии, как туго сжатая пружина. — Ты опять начитался своих любовных романов, — фыркнул кот, но всё же спрыгнул с теплого кирпича, грациозно потянувшись. — Ладно. Идем. Я должен лично убедиться, что этот двуногий не забыл привезти мне паштет из гусиной печени. И если хомяк опять сидит в своем пластиковом боксе, я за себя не ручаюсь — я скину его в колодец.

Они вышли в ослепительное майское утро. Степан не стал тратить время на обход двора. Он подошел к калитке, носом поддел щеколду — она поддавалась с тихим металлическим щелчком — и вышел на проселочную дорогу, вдыхая запахи мира.

Кирилл, изящно переступая через лужи, чтобы не намочить драгоценные лапы, пристроился рядом, держась на безопасном расстоянии от грязи. — Только попробуй бежать, — предупредил он, брезгливо отряхивая лапку. — Я не для того холил свою шерсть три месяца, чтобы она превратилась в мочалку от пыли. И если ты наступишь в грязь, я объявлю тебе бойкот на неделю и буду писать тебе гадости в тапки.

Но Степан его не слышал. Он сделал первый шаг, втянул полной грудью ветер, дувший со стороны старого шоссе, и... мир для него сузился до одной точки. До запаха. До звука далекого мотора, который его собачье ухо уловило раньше, чем человеческое.

Он перешел с шага на рысь. Это была не просто собачья пробежка. Это был полет. Огромное черное тело несло по обочине, легко перепрыгивая через канавы, его хвост летел по ветру, как черное знамя. Кирилл, поняв, что философию придется отложить до вечера, превратился в пушистую черную молнию, скачущую по забору параллельно дороге. Он был грациозен. Степан был неудержим.

— Быстрее! — лаял на бегу пес, хотя кот и так не отставал. — Они там! Я чую выхлоп «Жигулей» Лесника! И духи бабушки! И... и... Егорак! Я чую Егорака! Он пахнет паникой, семечками и дешевым картоном!

Они вылетели на асфальт старого шоссе. Машин в этот час почти не было. Степан бежал по самой кромке, его тяжелые когти высекали искры из редких камушков. Он не чувствовал усталости. Два месяца ожидания превратились в пружину, которая теперь распрямлялась с оглушительной, разрушительной силой.

А в это время, километрах в трех от них, по дороге медленно, с достоинством ехала старая синяя машина. В салоне пахло бензином, бабушкиными пирожками с капустой и дорожной пылью.

Максим сидел на заднем сиденье, высунувшись в окно по пояс. Его волосы трепал ветер, а глаза горели от возбуждения. — Ну скоро? — ныл он, барабанил пальцами по колену Аграфены Петровны. — Я хочу к Степе. Я привез ему ту самую кость из мясной лавки, она как его голова размером! И говяжий хвост! Бабуль, поднажми! — Да едем мы, едим, — ворчала бабушка Аграфена, вцепившись в руль так, что костяшки побелели. — Не дергай меня, Верный, а то в канаву съедем, будешь сам машину толкать.

На коленях у мальчика, в специальном рюкзаке-переноске, сидел Егорак. Хомяк был в состоянии близком к истерике. Дорога тряслась, запахи менялись слишком быстро, и он не успевал фиксировать показания барометра. — Мы движемся с недопустимой скоростью! — верещал он, вцепившись коготками в сетку. — Меня укачивает! Мой вестибулярный аппарат не рассчитан на такие перегрузки! Я требую сделать остановку для составления протокола и выдачи мне успокоительного!

Кирилл сидел на спинке переднего сиденья, как император на трибуне Колизея. Он смотрел вперед, подергивая усами, и делал вид, что его тошнит от тряски, хотя на самом деле его хвост подрагивал в такт мотора в радостном предвкушении.

И вдруг... Максим замер. Он перестал дышать. Он смотрел вперед, на обочину, где серый асфальт встречался с ярко-зеленой, сочной травой. — Бабушка... — прошептал он, и в его голосе прозвучал священный ужас и восторг. — СТОЙ! ЖМИ НА ТОРМОЗ!

Лариса Петровна ударила по тормозам. Машину слегка занесло на гравии, она остановилась в облаке пыли.

Там, впереди, метрах в ста от них, на фоне залитого солнцем поля, стоял он. Огромный, черный, как смоль. Он не сидел. Он не лежал. Он стоял, расставив мощные лапы, вросши в землю, как вековой дуб. Его хвост был вытянут в струну, уши стояли торчком, а из пасти вырывался пар. Он не лаял. Он просто смотрел. И от него исходила такая мощная волна чистой, незамутненной, первобытной радости, что воздух вокруг, казалось, дрожал и звенел.

— Степа... — выдохнул Максим, и его сердце пропустило удар.

Дверца машины шелкнула, даже не успев до конца открыться. Мальчик вылетел из салона, даже не закрыв её, забыв про рюкзак. Он бежал, путаясь в ногах, спотыкаясь о собственные шнурки. — Степочка! Я приехал! Я же обещал! Прости, что так долго!

Степан не выдержал. Он сорвался с места. Он не побежал — он прыгнул. Огромный, тяжелый пес преодолел последние метры одним невероятным, летящим прыжком и сбил мальчика с ног, не в силах сдержать свою массу и эмоции. Они покатались по траве единым, визжащим, смеющимся и плачущим клубком.

Это был не просто лай. Это был рев. Рык счастья, который, наверное, распугал всех ворон в округе. Пес вылизывал лицо Максима, его руки, хватал за одежду, словно проверяя, настоящий ли он, не сон ли это, не растает ли. Он скулил, задыхался и снова вылизывал. — Ты приехал! — лаял он, перекачивая мальчика в траве. — Ты пахнешь городом! Ты пахнешь пылью! Ты пахнешь МОЙ! Ты живой! Ты теплый! — Я приехал! Степа, я скучал! Прости, что долго! — рыдал Максим, обхватив шею пса руками, не в силах разжать объятия, зарываясь лицом в густую, пахнущую ветром шерсть. — Я привез тебе всё! Весь мясной отдел!

В этот момент с забора, с абсолютно невозмутимым, царственным видом, спрыгнул Кирилл. Он подошел к барахтающейся куче, брезгливо понюхал грязный сапог Максима, фыркнул и громко, требовательно мяукнул прямо над ухом пса: — Я надеюсь, вы закончили этот сгусток соплей? У меня пересохло в горле от наблюдения за вашими телячьими нежностями. Где мой паштет? И почему этот грызун всё еще в клетке? Выпустите его немедленно, от него пахнет стрессом и дешевым пластиком, он мне ауру портит своим отчаянием!

Егорак, которого Максим тут же вытащил из рюкзака, пискнул, спрыгнул на землю и деловито подбежал к голове Степана, пытаясь привлечь внимание. — Докладываю! — пропищал он, стараясь перекрыть лай. — Логистическая цепочка восстановлена! Координаты подтверждены! Но я потерял одну семечку по дороге, это саботаж! Требую компенсации в виде моркови!

Степан, наконец, чуть отстранился, тяжело дыша, с высунутым языком, с которого капала слюна. Он посмотрел на Максима — грязного, счастливого, плачущего. Потом на кота, который уже терся о ноги бабушки, выходя из образа ледяной статуи. Потом на хомяка, который пытался строить график прибытия. Он обвел взглядом свою Стаю. Всю. Целиком.

Он подошел к Максиму, тяжело опустился рядом, положив свою огромную, тяжелую голову мальчику на колени, глядя прямо в глаза, снизу вверх. — Я же говорил, — тихо, счастливо проворчал он, и его голос вибрировал от сдерживаемых эмоций. — Я не умею забывать. Я ждал.

Бабушка Лариса смотрела на эту картину, вытирая слезу краем платка, и качала головой. — Ну вот и слава богу, — пробормотала она, улыбаясь. — А то дом без вас — пустой сундук, только мыши зря хлеб едят. Поехали домой, стая. У меня щи стынут, и котлеты горят.

Максим вытер нос рукавом, поднялся, всё еще обнимая пса за шею, не в силах отпустить. — Поехали, — сказал он, забираясь обратно в машину и втаскивая за собой Степана. — У нас много дел. Нам крепость строить. И Кирилла от печки отдирать, он там, наверное, уже обои под обоями нашел.

Они загрузились в машину. Степан, вместо того чтобы бежать за ней по дороге, запрыгнул на заднее сиденье, улегся поперек, заняв всё пространство, положил голову Максиму на ноги, закрыл глаза и глубоко, удовлетворенно вздохнул. Он был дома. Вся стая была здесь. И теперь, что бы ни случилось, они были вместе.

Синее небо над дорогой было чистым. И где-то там, высоко-высоко, их звезда «Надежда» сияла ярче обычного, освещая путь тем, кто умеет ждать, тем, кто умеет возвращаться, и тем, кто знает, что дом — это не стены. Дом — это те, кто тебя ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.